
Мурзилка
9
СЕНТЯБРЬ
1937
ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

Мурзилка

№ 9 сентябрь

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Год издания четырнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1. Тел. 1-15-42

В ЭТОМ НОМЕРЕ НАПЕЧАТАНО:

— Вы думаете, я испугался вашего чудища? — расхорохорился Мурзилка.

— Какого такого чудища?—удивились мы.

— А вон того, что на обложке нарисован. Это страшный зверский зверь хорохор. Я встретил его на охоте. Он — прыг на меня. Но я прицелился—бац! И хорохор разлетелся на две тысячи мелких кусочков... Теперь я сшил себе шубу из цельной хорохорьей шкуры.

— Ты же говоришь, он разлетелся на две тысячи кусков?

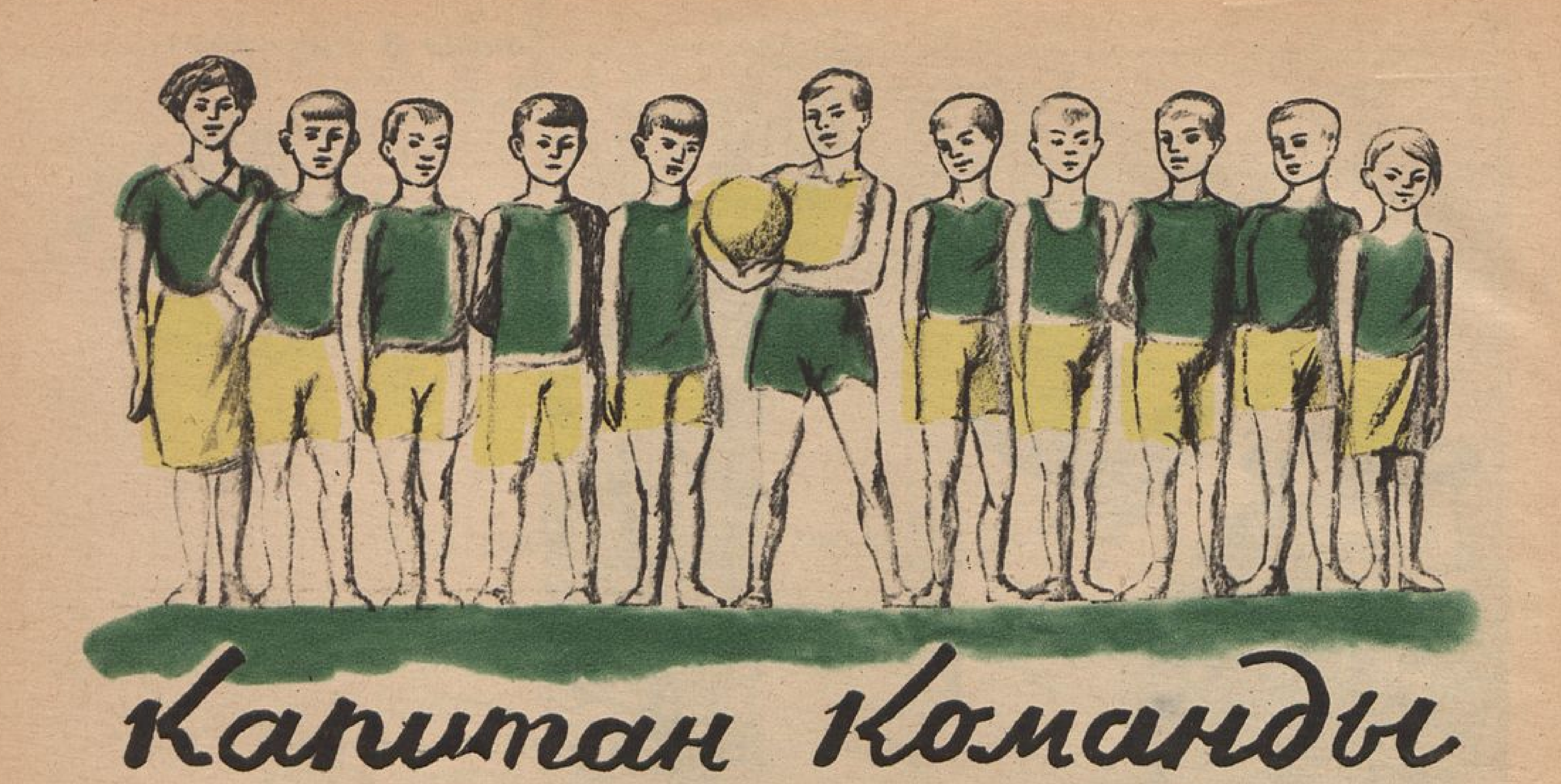
— На две тысячи или на одну тысячу — это неважно! Мне некогда было считать. Послушайте, что со мной случилось дальше.

И Мурзилка стал рассказывать необыкновенные истории. Часть их вы прочтете на странице 17-й. Остальные приключения Мурзилки вы увидите в следующих номерах.

Фото В. Грюнталя

Подружки

—Мы соскучились друг по дружке,
Мы не виделись много дней!—
И беседуют две подружки
О хорошей жизни своей:
Сколько ярких листьев набрали,
И каких жуков припасли,
И в какие куклы играли,
И какие книжки прочли,
И еще о чем-то чудесном,
Никому, никому не известном!

Капитан команды

В. Шервадзе
Рисунки С. Прусова

Собрание футбольной команды дома № 2 по Лисовскому переулку было назначено накануне матча Испания — „Динамо“, в семь часов вечера.

Игроки расположились в маленьком палисаднике между двумя двухэтажными домами.

В команде было одиннадцать человек. Самому старшему—Вовке — было 13 лет. Самой маленькой — рыжей Тосе — было 9 лет, но на вид ей больше 6—7 лет никто не давал. Остальным — Косте, Вите, Пете, Сереже, Марку, Мише, Толе, Сене и толстушке Жене—было по 10, 11, 12 лет.

Первым заговорил капитан команды Вовка:

— Сосчитаем деньги.

Мальчики доставали деньги из карманов, Женя — из парусиновой сумочки, висевшей через плечо, а Тося раскрыла зажатый кулачок и положила перед Вовкой скомканную рублевую бумажку и сорок копеек медяками. Всего было собрано десять рублей двадцать три копейки.

Речь капитана не была длинной. Он сказал:

— В прошлом году, когда наши играли с Турцией, у нас не было ни одного билета, и прошли все. На завтра у нас есть два билета, которые Сене дал сосед Борис Иванович. И потом мы собрали десять рублей двадцать три копейки — можно купить два входных билета по пяти рублей или один за восемь, если найдем при входе.

Сбор команды был назначен на завтра, в четыре часа дня. На этом собрание закончилось.

На следующий день, ровно в четыре часа, ребята вышли из ворот дома и направились к стадиону. Минут через сорок подошли к Белорусскому вокзалу. Несмотря на то, что до начала матча осталось больше двух часов, у вокзала длинной вереницей строились трамваи. Кое-кто из зрителей перебегал в передние вагоны, но большинство продолжало путь пешком. Тося вскочила в один из опустевших вагонов и спросила:

— Тетенька, можно до стадиона?

— Можно, можно,— ответила кондукторша.

— А всем ребятам из команды можно?

— Можно, можно!

Тося высунулась в окно и закричала:

— Ребята, садись! Даром везут!

Наконец приехали. Ребята расположились недалеко от входа на южную трибуну. Спрашивали проходящих: „Дяденька, нет ли билетика?“

Но, увы, билетов не было. Милиционеры стояли длинной цепью и смотрели за порядком. Ребята пробовали по одному перелезть через канат, натянутый между столбиками. Напрасно. Едва только кто-нибудь заносил ногу за веревку, милиционер немедленно останавливал дерзнувшего. Вовка собрал ребят, отвлек их в сторону и сказал:

— Я придумал вот что. Мы выстроимся попарно. Я пойду впереди и скажу контролеру, что футбольная команда дома № 2 по Лисовскому переулку организованным порядком пришла смотреть матч.

— И не пропустят все равно,— скептически произнес Сенька, но все же пошел строиться.

К ребятам подошли двое чужих мальчиков.

— Возьмите и нас. Может, толпой вместе с вами пройдем.

— Как же так? — начала Женя. — Мы идем как команда, а вы как кто пойдете?

— А они будут запасные, — перебила ее Тося.

— Верно! Становись, ребята, сзади. Будете запасные, — командовал Вовка. — Жаль, что нет футбольного мяча и барабана.

Когда подошли к контролеру, Вовка постарался говорить как можно спокойнее и солиднее:

— Товарищ контролер! Команда дома № 2 по Лисовскому переулку, в составе одиннадцати человек и двух запасных, пришла на матч Испания — „Динамо".

— Билеты есть?

— Нет.

— Без билетов нельзя. Отойдите, ребята.

— Как нельзя? — удивленно спросила Тося. — Ведь мы же организованным порядком! И потом, у нас есть два билета.

— Ну, пусть двое и проходят.

Тося упорно продолжала убеждать, но два милиционера осторожно оттеснили ребят от контролера и вежливо попросили:

— Давайте расходиться, граждане. Давайте проходить, кто без билета.

Пришлось отступить на старые позиции.

— Ну, ребята, придется через забор! — скомандовал Вовка, и вся команда проскочила под канатами.

Перебежав дорожку, быстро начали взбираться по железным прутьям забора.

Трое — Витя, Петя и Сережа — успели перевалить за ограду. Остальных сняли.

— Ну, теперь, ребята, действуй каждый за себя! Билеты пока будут у меня. Кто не попадет — приходи ко мне! — распоряжался Вовка.

Ребята разбрелись. Мимо Сеньки прошел военный с гражданкой. Сенька пошел за ними.

— Дяденька, проведите меня на стадион! Я вам все покажу. Я всех игроков по фамилиям и именам знаю. И где сидеть — знаю. Я вам все, все объяснять буду.

— Но ведь тебя не пропустят!

— С вами пропустят, дяденька, — умолял Сенька, — с военными пропускают, я уже проходил.

— Ну, что же, попробуем. Пойдем.

Гражданка засмеялась, взяла Сеньку за руку. Они пропали в толпе. Вовка ждал. Сенька не возвращался.

— Так, — радовался Вовка. — Осталось семь человек и два билета.

Ребята заметили одинокую молоденькую девушку в желтом берете. Она несколько раз прошла мимо ребят, а затем села на пень. Костя спросил:

— Билетика нет лишнего?

— Нет, нету. А ты не знаешь, который час?

— Сейчас узнаю.

Костя рванулся к какому-то гражданину, через минуту вернулся обратно и объявил:

— Четверть седьмого!

— Ну, вот: если до половины седьмого ко мне не придут, я тебе отдам билет.

Костя сел рядом на землю...

Тося остановила высокого толстого гражданина:

— Товарищ гражданин, мне очень хочется посмотреть футбол, а у меня нет билета. Возьмите меня с собой!

Гражданин остановился. Несколько мгновений он молчал. Тося ждала.

Наконец, гражданин приподнял кепи, поклонился Тосе и вежливо ответил:

— Не понимаю, каким образом я смог бы провести вас без билета, милая гражданка.

— А очень просто,—живо заговорила Тося:—вы очень большой, возьмите меня на руки. Попробуйте, я не очень тяжелая. И только непременно скажите, что я ваша дочка... Зовут меня Тося. Я буду молчать, а вы сами контролеру объясните.

— Ну, идите сюда, моя милая единственная дочка!

Толстый гражданин поднял Тосю, и они двинулись к воротам. Тося сжалась, чтобы казаться как можно меньше. Толстый гражданин бережно нес ее.

Пока Тосин „папа" объяснял контролеру, почему он не мог оставить дочь одну дома, Толя скользнул мимо контролера и, расталкивая публику, помчался по дорожке ко входу на трибуны.

Вовка считал: „Осталось пять человек и два билета". Он подошел к Косте.

Девушка в желтом берете поднялась и сказала:

— Вот что, ребята: берите билет, идите на футбол, а я домой пойду.—Она сунула Косте билет и скрылась в толпе.

Костя спросил Вовку:

— Женьке отдать?

— Нет, иди сам и помоги ребятам на трибуны пробраться. Я хочу, чтобы Женя с Марком по одному билету прошли.

Костя убежал. Толпа двигалась широкой лавиной, суживаясь только у самых ворот.

До начала матча оставалось двадцать минут. Лавина двигалась быстрей и быстрей.

Какой-то молодой человек остановился около ребят. Он внимательно всматривался в лица проходящих: повидимому, он искал кого-то. Миша спросил:

— Гражданин, билетика нет лишнего?

— И билетика нет, и вообще никого нет,—сердито ответил он.

— А вы, может быть, гражданочку в желтом берете ищете? — догадался Вовка.

— Да, да. А вы видели ее?

— Ну, как же! Она долго ждала вас. Рассердилась. Сказала, что домой пойдет. Нам билет отдала, — объяснил Вовка.

— А билет где?

— А наш Костя по нему прошел.

— Ах, вот как! Ну, ребята, ваше счастье: возьмите мой билет. — Он бросил билет и убежал.

Ребята подняли билет, кричали ему вслед „спасибо", но парень был уже далеко.

— Миша, беги скорее! Этот билет на восточную трибуну, рядом с Костей, — торопил Вовка.

— Значит, осталось три человека и два билета. Женя и Марк, вот вам один билет, может, вдвоем пройдете. Если не пропустят, отдай билет Жене, а сам — ко мне.

Марк и Женя убежали.

Вовка ждал. Минут через пять Марк вернулся.

— Не пускают вдвоем,—чуть не плача, сказал он.

— Ничего, не хнычь,—утешал Вовка.— Осталось два человека и один билет. Мы отправимся...

Но Вовка не успел договорить, куда нужно отправиться. Перед ним стоял тот самый гражданин, который только что отдал билет Мише. А за ним, смущенно опустив глаза, стояла девушка в желтом берете.

— Где наши билеты?—строго спросил он.—Использовали?

— Использовали,—тихо ответил Вовка.

— Обманули?

— Нет, не обманули, вы сами отдали,— резко ответил Вовка.—Вот у нас есть один билет на южную трибуну, и вот десять рублей. Может, еще купите у кого-нибудь.

— Я же говорила тебе! Пойдем лучше в Парк культуры и отдыха, пусть ребята пойдут на футбол,—торопливо заговорила девушка, пытаясь увести парня.

— Берите билет и деньги,—гордо сказал Вовка. — Просто недоразумение вышло.

Девушка отошла. Молодой человек колебался: уж очень ему хотелось попасть на футбол. Он взглянул на ворота, на бежавших зрителей, на мальчиков. Вздохнул.

— Оставьте себе деньги и билет. Идите скорее, сейчас начинают, — грустно добавил он и отошел от ребят.

Вовка и Марк два раза пытались пройти по одному билету. Напрасно! Неумолимый контролер оба раза задержал их.

— Иди, Марк.

— А как же ты, Вовка? Я останусь с тобой!

— Беги скорей, говорят тебе!

— Ты иди, а я останусь,—уговаривал Марк.

— Капитан уходит последним, знаешь это или нет? Я еще проберусь. Я приказываю тебе итти, слышишь?

— Есть. Я буду ждать у трибуны.

Марк ушел. Люди бежали, и Вовка не спрашивал больше, нет ли лишнего билетика. Он сел на землю у столба, на котором чернел громкоговоритель. Что-то давило грудь, сжимало горло...

Прошло минут десять. Загремели аплодисменты. Оркестр начал играть испанский гимн. Вовка встал. Сыграли „Интернационал". Вовка стоял, подняв руку в пионерском салюте. Начались приветствия. Вовка нарисовал палочкой на дорожке футбольное поле. Там, где стоял вратарь „Динамо", Вовка положил красный галстук. Раздался свисток. Игра началась. Вовка чертил палочкой движение мяча. Ему все время приходилось перебегать то на сторону „динамовцев", то на сторону „испанцев". Так продолжалось до того момента, когда испанцы забили первый гол. Вовка увлекся, поднял ногу, „ударил" по воротам „Динамо" и попал... кому-то по коленке. Кто-то засмеялся. Вовка поднял голову и от удивления раскрыл рот: его „стадион" тесным кольцом окружили мальчишки, а за ними стояла толпа взрослых. Из толпы вышел милиционер, тот самый, который снял Вовку с забора, и, стараясь расширить круг, убеждал зрителей:

— Давайте не напирать, граждане.

И, когда кольцо расширилось снова, Вовка, получив указание из громкоговорителя, опять с увлечением начал чертить путь мяча.

* * *

В тот же день вечером команда собралась всадике.

Тося рассказывала:

— Этот дяденька записал адрес и обещал приехать к нам в гости. Все время угощал шоколадом и яблоками. А вот эту плитку для всей команды дал. Вовка придет и разделит.

— А кто видел Вовку на стадионе?—спросил Марк.

Все молча переглянулись.

— А знаете, ребята, — продолжал Марк,—Вовка не был на стадионе. Не попал. Я виноват: взял последний билет...

— Нет, это я виноват: ушел первый,—сказал Сенька.

— Нет, я,—доказывала Женя.

Начался спор. Каждый считал себя виноватым больше всех.

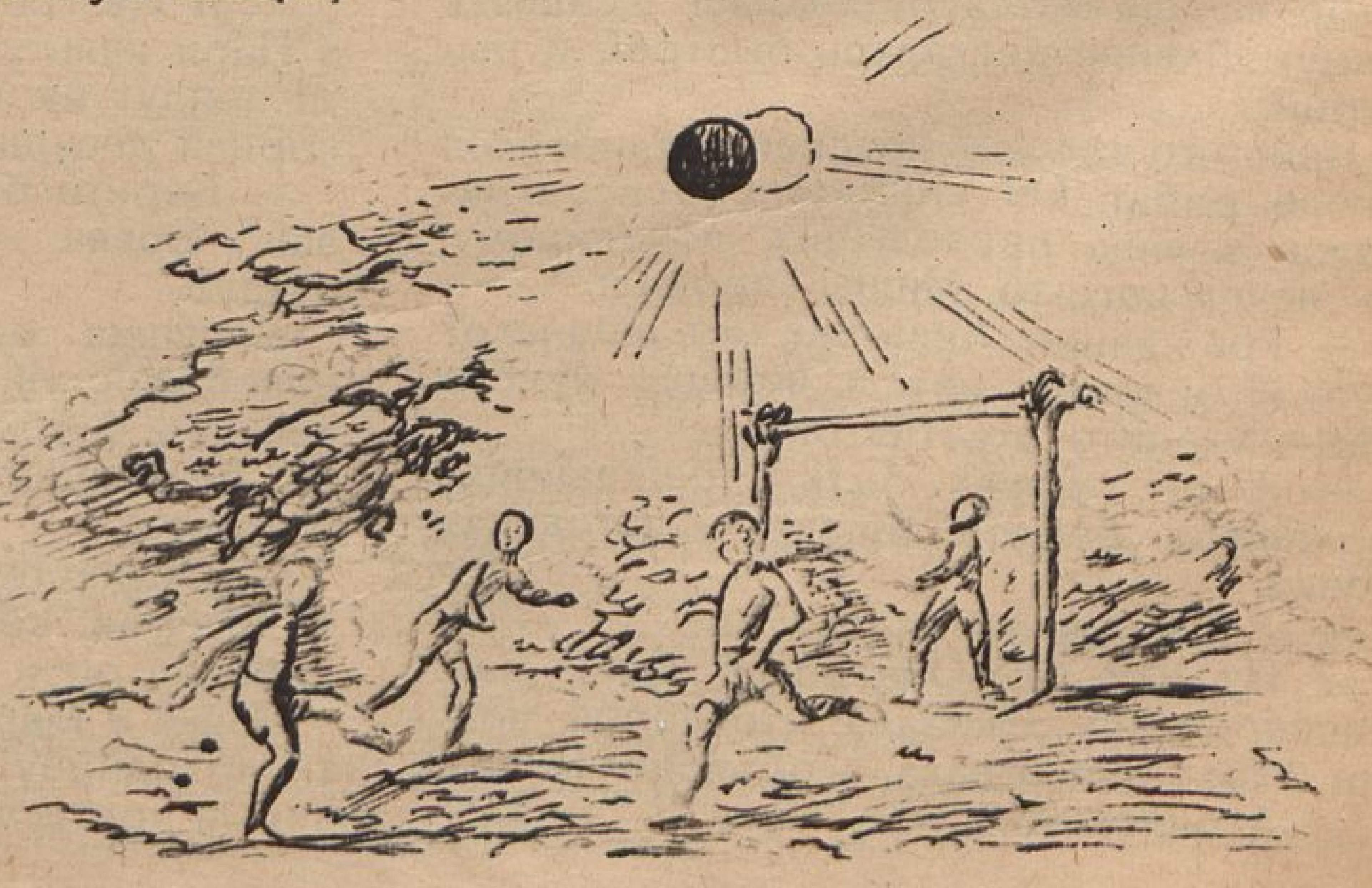
Пришел Вовка. Все замолчали.

— Вот что, ребята. Я письмо написал. От нашей футбольной команды. Может, добавите что-нибудь?

Вовка прочел:

— „Дорогие главные товарищи по физкультуре! У нас в Москве много детей, которые любят смотреть футбол. А на стадион нас пускают только на детские соревнования. А когда играют заграничные команды, то и за деньги трудно купить билет. А мы хотим организованным порядком, мы просим, чтобы нам отдали одну трибуну или полтрибуны. Чтобы взрослые там не сидели, а только дети. И если можно, то чтобы на каждое место по два человека. Мы поместимся. Тогда вдвое больше ребят смогут смотреть футбол".

От редакции. Теперь на стадионе „Динамо" отведены специальные места для школьников.

Осенью

Л. Квитко

Рисунок Ф. Полищук

В корзинах фрукты вносят в дом,
Когда проходит лето...
И оставляют под дождем,
За дверью, сад раздетый.

И будут банки до весны
Вареньем розовым полны,
И будут яблоки в ларе
Свежи, как будто в сентябре,
И алых вишен пьяный сок
Окрасит сахарный песок.

А сад остался там, снаружи,
Стоять по пояс в черной луже.
Холодный вихрь его нагнал...
Закашлял сад и застонал.
Деревья горбятся, хрипят,
Трясутся с головы до пят:

— Мы б разбежались все сейчас,
Да по одной ноге у нас.
Ой, плохо стынуть под дождем,
И нас возьмите в теплый дом!

Ну, как деревьям не помочь?
А вдруг морозной будет ночь?
Несут рогожи и мешки —
Деревьям на зиму чулки.
Ногам тепло, одели всех,
А головы укроет снег.

Перевела с еврейского
Т. Спендиарова.

КОЛЯ И ДРУГОЙ

И. Рахтанов
Рисунки Ф. Полищук

Станция эта дачная, день невыходной, и на перроне никого.

Коля сидел на зеленом барьере, свесив босые ноги. Солнце с голубого неба жгло ему затылок. Сейчас опять пройдет электрический поезд.

Коле скучно. В этом году он не в лагере, а с мамой на даче. И хотя он может купаться сколько угодно и хотя мама готовит ему самые вкусные кушанья, Коле скучно.

Возле себя он заметил вырезанное кем-то бритвочкой или перочинным ножом имя „Коля". Видно, здесь уже сидел когда-то какой-то другой Коля и тоже скучал. Коля достал газету, которую он сунул за резинку трусиков, развернул ее и начал, болтая ногами, читать.

Люди открыли Северный полюс! Люди из Москвы в два с половиной дня перелетели в Америку! А Коля должен сидеть на даче около мамы и пять раз в день пить молоко... Неинтересно! И товарищей здесь у него нет... А там, на полюсе? Их там четверо, на льдине — Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров. Вот здорово! И Колина фамилия — Федоров. Они нашли на полюсе теплое течение, рачка-бокоплава, чайку, чистика и пуночку. Конечно, им не скучно!

На второй странице газеты была помещена большая фотография. Сын героя — участника полярной экспедиции — отдыхает летом на даче. Этот мальчик, лет двенадцати, был очень похож на отца. И Коля решил, что, если бы он его встретил на улице, непременно узнал бы.

Коля внимательно разглядывал сына героя в газете. Мальчик сачком ловил бабочку. Он ее уже настиг и вот-вот готов был накрыть, когда его сняли. „Вероятно, он поймал, — подумал Коля. — Такие всегда ловят".

Поезд подошел и остановился почти без шума. Из вагона вышло всего три человека: старушка, гражданин в белой войлочной шляпе с огромными полями и мальчик. Сначала Коля заинтересовался шляпой — такие большие шляпы не носят мужчины. Шляпа была похожа на белую вершину горы Арарат, которую Коля однажды видел на открытке. Эти шляпы привозят с Кавказа. Потом Коля посмотрел на мальчика. Старушка его совсем не интересовала.

Мальчик пошел в его сторону, гражданин в кавказской шляпе прошагал в другой конец перрона, спустился по лестнице и исчез.

Коля смотрел на мальчика. Да, это был он, сын героя! Коля еще раз взглянул на фотографию в газете. Коля подождал несколько секунд и побежал за мальчиком. Он решил узнать, в какой даче живет сын героя, чтобы увидеть его отца, когда тот вернется с полюса.

Они пошли вместе. Впереди шел сын героя, сзади крался Коля. По временам он прятался в кустах: так получалось таинственнее. Они шли по дороге к Колиной даче. Дача стояла последней, около самой речки. Мальчик, должно быть, шел к Коле или купаться.

На берегу никого еще не было. Мальчик быстро разделся — ему, вероятно, было жарко — и, не погревшись на солнце, бросился в воду.

Коля следил за мальчиком. Тот доплыл до середины реки; над водой виднелась теперь только мокрая голова. Мальчик нырял, он плавал то по-лягушечьи, то по-морскому, то саженками.

Коля смотрел на него сначала с удовольствием, потом ему надоело и стало жарко, и вот тогда он неожиданно услышал крик.

— Тону! — кричал мальчик.

Не снимая трусиков, Коля разбежался и прыгнул в воду. Под резинкой у него лежала газета с фотографией сына героя. Сейчас сын героя тонул. Отец далеко, он не знает, что сын его тонет.

— Тону! — опять крикнул мальчик. Голова еще раз показалась над водой.

— Сейчас, сейчас!

Коля быстрыми ударами рук, словно работая веслами, подплыл к мальчику. Все время, пока Коля плыл к мальчику, он думал об его отце-герое.

Он схватил мальчика за волосы и вместе с ним поплыл к берегу, потом вытащил его на берег и начал делать искусственное дыхание. Он знал все приемы, потому что в прошлом году их показывала медицинская сестра в лагерном санкружке.

Но мальчику не нужно было искусственного дыхания. Он сразу открыл глаза и сейчас же сел.

Коля стоял перед ним на коленях и улыбался.

Когда он поднялся на ноги, из-под резинки трусиков выпала намокшая газета. Он развернул ее, разгладил, посмотрел на фотографию и сказал:

— Здорово как тебя сняли! А ты тогда бабочку поймал?

Мальчик взял у Коли газету.

— Не знаю. Это не я. Мой отец здесь в колхозе бухгалтером работает.

Коля даже ничего не сказал от неожиданности.

— Спасибо, что вытащил, — продолжал мальчик. — Твоя как фамилия?

— Федоров, — ответил Коля. — Федоров — моя фамилия, тоже как на льдине.

Но мальчик его не понял. Он совсем уже оправился и стал одеваться. Ботинки он не обул, а связал их шнурками и перекинул через плечо.

— Ну, я пойду. Я бы, может, сам себя спас, только, понимаешь, судорога, — замерз в воде. В первый раз такое.

Он крепко пожал Колину руку и пошел.

— Ничего, что ты не сын героя, — ответил Коля, — все равно я бы тебя спас.

Мальчик был уже далеко и пылил босыми ногами по дороге.

— Верно! — крикнул он.

Коля забыл спросить, как его зовут.

ШАРФ КОММУНАРА

С. Заречная
Рисунки А. Коджака

В этот день Марсель не пошел в школу. Заболел его дед. Шарль Леско — звали деда. Черный, иссохший, он лежал в постели и стонал:

— Ох, плохо!.. Вздохнуть сил нет... Конец, брат...

— Поживи еще хоть немного... Ну, дедушка...— уговаривал его Марсель.— А то как же я без тебя?..

— Ничего, не робей,— утешал старик,— проживешь как-нибудь... Верно — золота тебе в наследство не оставлю. Какое наследство у старого слесаря? Но руки у меня золотые были. Знаешь, какой работник я был! И ты, брат, не плошай! Я весь век боролся с хозяевами, и ты, брат, не давай спуску им — вот тебе мое наследство. Ох, злоба у меня на них была великая!..

Дед сжал костлявый кулак.

— И ты—слышишь, Марсель?—ты тоже прими эту злобу мою. Вот тебе и все мое наследство!

Дед вдруг поднялся на постели, как здоровый.

— Послушай, что я расскажу. Это было лет шестьдесят назад у нас в Париже. Дело было в мае. Ранним утром рабочий отряд шел к участку Нейи. Наши бойцы сражались дни и ночи, бессменно. От бессонницы глаза у них покраснели, а лица стали черными от пороха. Зато на штыке у каждого красовался букет роз. Это подарили им матери и жены коммунаров.

Враги только что оставили баррикаду в Нейи, и наши люди получили приказ занять ее...

Дед прилег на подушку, отдышался немного и опять заговорил:

— Впереди отряда скакал на одной ноге мальчуган лет двенадцати — горнист, веселый парень и ловкач. Он вдруг перекувырнулся через голову да как запоет во все горло:

Коммуна славная у нас!
У ней есть ядра про запас.
Не может быть она
Никем побеждена!

мой верхушке баррикады и крикнул что было силы:

— Назад! Не входите! Занято!

— Открыть огонь! — скомандовал офицер.

Но наши уже успели рассыпаться. А мальчишка, точно обезьяна, с баррикады на фонарь, с фонаря на крышу соседнего дома, оттуда по водосточной трубе вниз — и догнал своих.

А бородатые бойцы дружно подхватили:

Коммуна славная у нас!
У ней есть ядра про запас...

И, притопывая в такт, бодро пошли вперед. Паренек покатился колесом до самой баррикады, потом вскочил на ноги, разбежался да и перемахнул на другую сторону. Бородачи чуть не лопнули со смеху. Но веселому парнишке было не до шуток.

Внизу, за земляным укреплением, притаились враги. Засада!

Офицер больно ухватил малого за ухо.

— Тихо! Молчать! И ни с места! Пикнешь — пристрелю, как щенка!

Но мальчишка выскользнул из рук офицера, в два прыжка очутился на са-

— Вот это мужчина! — сказал командарм коммуны Домбровский, когда ему обо всем доложили. И он снял свой красный шарф коммунара и повязал его мальчику через плечо. Теперь у мальчишки от волнения загорелось и другое ухо...

Сам Ярослав Домбровский! Герой! Его знал весь Париж. Молодым он дрался за свободу своей родины — Польши. А после — за счастье французских рабочих. За нас и отдал жизнь. Его убили на баррикаде. Да. А маленького горниста звали Шарль. Шарль Леско. Да, да, Марсель, это был я. Твой дед был тогда малым волчонком. Так враги называли детей коммунаров.

Было это в 1871 году.

Парижские рабочие прогнали тогда

буржуев, взяли власть в свои руки и провозгласили Коммуну.

Но в то время мы были еще неопытны и сделали ужасную глупость: мы выпустили богачей из города, а они укрепились неподалеку от Парижа, в Версале, собрали войска, позвали на помощь врагов родины — пруссаков[1] — и двинулись на Париж — громить Коммуну.

Весь город ощетинился тогда баррикадами. Сражались наши отцы, матери, наши старшие братья и сестры. И мы, ребятишки, тоже ушли на баррикады: кто набивал землей мешки для укреплений, кто заряжал ружья, а кто постарше — и сами стреляли.

Отца моего убили в первых же боях, а мать — через несколько дней. Я поступил в отряд „питомцев Коммуны". Там были одни сироты — дети убитых коммунаров. Коммуна заботилась о нас: кормила, одевала, учила... И мы готовы были перегрызть за нее горло врагу, как настоящие волчата.

Дед судорожно сжал подушку и продолжал:

— Семьдесят два дня коммунары дрались с буржуазией! Семьдесят два дня отстаивали свою свободу и власть. Но враги победили. У них было больше солдат и опытных командиров, больше оружия, и пищи, и денег. Они окружили Париж, отрезали нас от всей страны. К нам не могла подойти помощь, нельзя было подвезти пищу, снаряды, патроны, порох. Но мы защищались еще, да как! Врагу приходилось каждую улицу брать с боя, каждую баррикаду, каждый дом... А потом началась расправа. Версальцы расстреливали без счета, десятками тысяч. На улице кровь стояла лужами. Убитых хоронить не успевали. Мы, „питомцы Коммуны", дрались до последней минуты, но у нас вышли все патроны. Версальцы окружили нас.

— Отдайте оружие! Мы вас не тронем.

Мы отдали наши ружья. Без патронов — какой в них толк!

Ярослав Домбровский.

— Ступайте! Вы свободны.

Мы не двигались с места.

— Ступайте же! — прикрикнул офицер.

Тогда мы бросились бежать. Вслед нам захохотали. И вдруг — залп! В голову больно ударило. Я упал...

— Шарль, Шарль! Ты жив?

Я открыл глаза. Была ночь. Надо мной наклонился Буваре́.

— Ты жив! Пойдем, спрячемся куда-нибудь.

Он помог мне встать. Вокруг лежали убитые. Из наших ребят только я и Буваре́ остались в живых. Но спрятаться нам не удалось. Утром нас схватили.

В этот день арестовали много детей. Но „питомцы Коммуны" не струсили и на допросе.

— Ты сколько сделал выстрелов? — спросил офицер у Буваре́.

— Пятьдесят! У меня больше нехватило патронов.

Его расстреляли.

Потом пришла моя очередь.

— Ты будешь расстрелян! — заорал на меня офицер.

— Ну, так что ж! — огрызнулся я.

Меня ударили прикладом по голове, и я снова потерял сознание. Они решили,

[1] Пруссаки — жители Пруссии. Пруссия — часть Германии.

что я умер. Это меня спасло.

Шарль Леско умолк. Потом указал на полосу красной материи, висевшую над его изголовьем.

— Это шарф генерала Домбровского... Я его всю жизнь берег... Теперь возьми... Я завещаю его тебе. На! Это тоже мое наследство.

После смерти дедушки Шарля прошло шесть лет. Марселю исполнилось восемнадцать. Он служил в гараже, был отличным шофером и веселым малым. Но однажды он прочитал в газетах о том, как фашисты расстреливают испанских рабочих, крестьян, детей. Марсель задумался. Враги сильны. Испанские фашисты сговорились с итальянскими и немецкими. Собрали войска. Надо помочь испанским товарищам, которые дерутся за то же, за что дрались и умирали шестьдесят шесть лет назад парижские коммунары.

Марсель ощупывал свои твердые мускулы. Это было наследство деда—слесаря. Он сжимал свои крепкие кулаки. Это тоже было наследство старого коммунара. Марсель вынул из ящика шарф Ярослава Домбровского — и в нем заговорила бешеная ненависть к фашистам.

Нет, веселый Марсель не мог больше веселиться. Дедушкино наследство не давало ему покоя. Он взял расчет у хозяина гаража, завязал в узелок смену белья и шарф командарма Домбровского и уехал в Испанию—сражаться с фашистами. Там он нашел своих земляков, таких же рабочих, как и он сам, и они вместе составили батальон имени Парижской коммуны.

В горах, защищающих подступы к Мадриду, они встретились с республиканским отрядом танковых пулеметов. В славной битве при Реаль-Сан-Висенте этот отряд разгромил фашистов.

„За нашу и вашу свободу!“ прочел Марсель на знамени отряда.

— Это польские революционеры. Батальон имени Ярослава Домбровского,— сказал ему товарищ. — Все свои ребята.

Тогда Марсель расстегнул блузу, вытащил что-то спрятанное на груди, и узкая полоса красной материи полыхнула в воздухе навстречу польскому знамени.

Это был шарф коммунара, которым шестьдесят шесть лет назад командарм Парижской коммуны Ярослав Домбровский наградил за подвиг отважного горниста Шарля Леско.

Глаза и рот пророка

СТАРИННАЯ КАБАРДИНСКАЯ СКАЗКА

Пересказала Н. Белинович
Рисунок В. Лотца

Когда Насср-Эддин был совсем маленький и только что начал ходить в медрессе [1], учитель — хаджи — заставлял его вместе с другими ребятами строго соблюдать пост — уразу.

При этом он говорил:

— Когда желудок голоден, сердце сыто святой премудростью.

Но сам-то хаджи не постился. Он несколько раз во время урока пробовал из миски белую ароматную кашу.

Раз Насср-Эддин не выдержал. Учитель куда-то отлучился, а мальчик выскочил в окно. Он набрал в саду горсть сочных ягод, быстро их съел и вернулся в школу. Когда вошел хаджи, Насср-Эддин как ни в чем не бывало твердил нараспев молитву.

Но учитель взял в руки коран и сказал мальчику:

— Эта святая книга — глаза и рот пророка. Глаза увидали, а рот рассказал мне, что ты ел ягоды.

И хаджи строго наказал мальчика. Он велел ему остаться после урока в школе и принести сорок кувшинов воды.

Насср-Эддин покорно пошел за водой. Он заглянул в колодец и заметил, что у него нос и губы испачканы ягодным соком. Насср-Эддин только теперь догадался, как узнал учитель о нарушении поста, и решил отомстить хаджи.

После уроков Насср-Эддин остался вдвоем с учителем.

Он дождался, когда учитель задремал, а сам тем временем доел всю кашу и остатками вымазал страницы корана.

Проснулся учитель, увидал пустую миску и сердито закричал:

— Кто съел мою кашу? Кто испачкал книгу?

Но кротко ответил ему Насср-Эддин:

— Воистину, коран — глаза и рот пророка. Глаза увидели кашу, а рот ее съел — видишь, даже немножко прилипло к страницам. И еще коран просил передать тебе, хаджи, что, когда желудок голоден, сердце сыто премудростью.

Так Насср-Эддин перехитрил хаджи.

---

[1] Медрессе — духовная школа.

Мурзилка-враль

Мурзилкины небылицы записал Борис Быков,
а картинки нарисовал Л. Смехов.

„Буря“

Мы по морю плыли
На всех парусах.
Черные тучи
Сошлись в небесах.

Волны поднялись,
И ветер подул...
Буря случилась,
И я утонул.

„Людоеды“

На маленький остров
Приехали мы.
На острове только
Леса да холмы.

В лесу изловил я
Большого коня.
Вдруг людоеды
Схватили меня.

— Что же случилось
С тобой? Говори!
— Съели, конечно,
Меня дикари...

„Четыреста медведей“

— Четыреста медведей
Бродили по лесам.
Четыреста медведей,
Я видел это сам!

— Но это очень много.
Наверное ты врешь!
Их столько не бывает.
Сознайся: это ложь?

— Нет, я не вру нисколько,
Всё это видел я.
— Но где ты видел это?
— Во сне, мои друзья...

Рассказы о полярной зимовке

Д. Зарецкий
Рисунки И. Лунина

(Продолжение)

ПОЛЯРНАЯ ВЕСНА

На материке теперь уже весна в разгаре, а у нас пурга, метели и мороз.

В конце апреля к нашему дому прилетела первая вестница весны — пуночка. Прилетела — и прямо на чердак. Там и приютилась. На радостях мы ее угощали крошками, пшеном и разными другими лакомствами. Весело было смотреть, как она лукаво вертела головкой и твердила свое: чир-лик, чир-лик...

В мае показались дикие гуси. Но напрасно они так рано прилетели: не было еще ни одной проталины, и через день бушевала пурга. Они с грустью присели на снежок, отдохнули и улетели обратно.

Только после первого июня начался полный прилет птиц. Прилетели гуси, утки, чайки, лютики и долгоногие маленькие птички — чистики. На холмистых местах появились проталины.

Тут-то мы почувствовали, что и к нам пришла весна.

ЗАБЛУДИЛСЯ

Наступил сплошной полярный день. Однажды я возвращался домой с охоты. Был туман; он пронизывал меня насквозь, забирался в носки и рубашку; его облако покрывало собою все, делая невидимыми предметы на расстоянии десяти шагов. До жилья было не больше пяти километров. „Час ходу“, думал я.

Сначала видимость была хорошая. Но не прошло и пятнадцати минут, как все затянуло туманом. Я взял направление по памяти. Прошло уже около трех часов, а жилья все не было. Стал кружить — то в одну сторону, то в другую. Так ведь можно уйти невесть куда! Что же это такое? Куда итти?

Я остановился. Разбил походную палатку и стал выжидать. Съел две галеты, кусок сахара, „запил“ комком снега и вскоре уснул. Проснулся от холода. Дрожь пробегала по всему телу. Я вышел из палатки, чтобы размяться и хоть немного согреть себя. Туман стал редеть. Сквозь его пелену пробивался свет. Вдруг я увидел темный силуэт. Думаю: „Что за чудеса?“ Сделал несколько шагов в сторону темного пятна и различил контуры построек. Подошел еще ближе и обрадовался: это был наш дом. Всего в нескольких шагах от моей палатки!

БОЙ С МОРЖАМИ

Как-то раз я и каюр — охотник — отправились на охоту за зверем. Мы были уже далеко в море. Из воды стали показываться головы тюленей, нерп и морских зайцев. Я только хотел выстрелить, как показалась морда с клыками, загнутыми книзу. Морж! Каюр остановил мотор. Морж скрылся под водою. Мы оба приготовили ружья и стали поджидать вторичного появления зверя. Вскоре голова вновь показалась. Я вы-

стрелил, но морж нырнул в воду, и на ее поверхности осталось красноватое пятно.

— Ранил, — сказал каюр и стал заводить мотор.

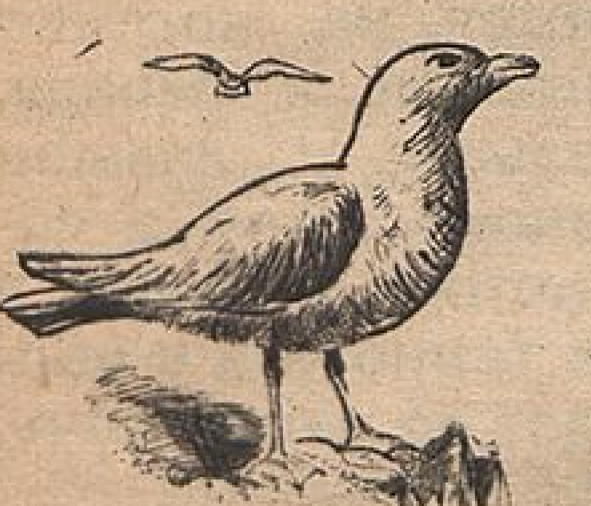
— Плывем скорее к берегу! — закричал он. Я начал грести двумя запасными веслами.

Морж любит погреться на солнышке. Он не опасен, когда вылезает на льдину спать. Но встреча с ним в открытом море очень опасна. Особенно, если чем-нибудь раздразнить его или ранить. Тогда он преследует противника.

Мы оказались как раз в таком опасном положении. Раненый морж вынырнул из воды и заревел, как разъяренный бык. Это он созывал на помощь других моржей.

Вскоре их появилось целое стадо. Поднялась суматоха. Моржи толкали друг друга, щелкали зубами, дрались, кусались и отчаянно ревели. Наша лодка летела, пересекая волны. Моржи гнались за нами. Мы уже ощущали толчки о борта лодки. В лодке появилась течь. Еще одна минута — и гибель была бы неминуемой. Но мы напрягли последние силы и вскоре выпрыгнули на берег. Несколько моржей высунулось из воды. Мы выстрелили. Два животных безжизненно всплыли. Мы подобрали их гарпунами и привязали к лодке. Дыру в лодке зачинили и поплыли вдоль берега к станции.

РАНЕНАЯ ЧАЙКА

Однажды повар нечаянно ранил чайку. Он принес ее домой, промыл ранку, смазал иодом и сделал перевязку. Через несколько дней чайка поправилась, и мы выпустили ее на волю. После этого она часто прилетала к нам в гости, и мы с радостью встречали ее, как старую знакомую.

В другой раз я хотел подстрелить пару гусей одним выстрелом, но попал только в одного. Это оказался гусак. Гусыня взлетела кверху и стала кружить надо мною.

— Пи-курлы, пи-курлы! — кричала она.

Много дней после этого она все прилетала на это место, звала и оплакивала друга.

Стало чаще проглядывать солнце. Но зима уходила медленно. Последняя пурга кончилась 26 июня, и с этих пор наступило лето.

Начали гнездиться птицы, и вскоре появились птенцы. Сошел снег, кое-где стала пробиваться свежая травка.

Вместо бесконечной белой пустыни лежали темнозеленые холмистые возвышенности и долины. Вскрылись озера.

Мы много охотились, собирали яйца и питались свежей дичью. А на море лед стоял все так же крепко. Ледяные горы — торосы — и не думали двигаться. Это пугало нас. И только в первых числах августа с северо-западной стороны появились грозные тучи.

Восемь дней свирепствовал ураган. Все кругом шумело, ухало и трещало. Громадные льдины становились на ребро и падали с оглушительным гулом.

А 12 августа море было чисто. Скоро пошли пароходы.

В сентябре опять улетели птицы. Вода стала вновь холодеть. В море частенько появлялась шуга и пловучие льды. От Северного полюса надвигался холод, чтобы опять заковать остров на десять месяцев ледяным кольцом.

Конец

Знаешь ли ты,

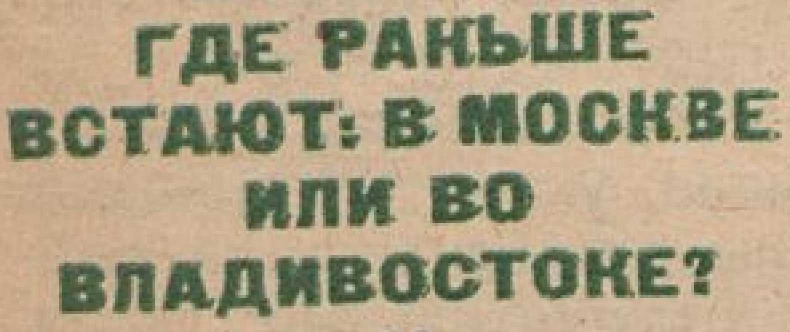

ГДЕ ЧКАЛОВ И ГРОМОВ НАШЛИ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ?

Когда человек-растеряха ищет давно потерянную им вещь, над ним смеются: „Что ты вчерашний день ищешь? Не найдешь!“ Но на самом деле можно найти и вчерашний день. Наши герои-летчики, перелетая через Северный полюс в Америку, уже два раза находили прошедший день.

Когда Герой Советского Союза Громов со своими товарищами летел над полюсом, было 3 часа 14 минут дня 13 июля... А за полюсом оказалось 4 часа 14 минут дня еще 12 июля. И самолет героев за полюсом снова попал во вчерашний день.

Как же это могло получиться?

ГДЕ РАНЬШЕ ВСТАЮТ: В МОСКВЕ ИЛИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ?

Когда в Москве уже кончился сегодняшний день и все ложатся спать, а на Красной площади часы кремлевской башни бьют 12 часов ночи, в это самое время на Дальнем Востоке уже 10 часов утра завтрашнего дня. И все там уже давно выспались, встали и работают, учатся, гуляют. А в Париже в это же время еще не кончился вчерашний день. Там еще 10 часов вчерашнего вечера. Происходит так вот почему.

Земля — шар. Она вертится, и солнце освещает то один бок (полушарие) земли, то другой. За сутки, за 24 часа, земля успевает полностью обернуться вокруг себя и погреть под солнцем оба свои бока по очереди. Когда одна половина земли повернута к солнцу, на этом полушарии день. А в это время другая половина земного шара в тени — там ночь.

Земля вертится вокруг своей оси с запада на восток. Значит, солнечный свет бежит по земле навстречу вращению — с востока на запад. И сперва лучи солнца освещают те места, которые поближе к востоку, а потом уже свет доходит до мест, находящихся на западе. Значит, и день начинается на востоке и двигается к западу, все дальше и дальше по земному шару, а потом восток заходит в ночную темноту и с востока идет по земле ночь.

ГДЕ НАЧИНАЮТСЯ ДНИ И НОЧИ?

Как же быть, если на востоке наступило уже 13-е число, а в Москве еще тянется 12-е? Где кончается вчерашний день? Где начинается сегодняшнее число?

Сегодняшнее число начинается в любом месте земного шара, только в разное время. Оно постепенно переходит с востока на запад. И чтоб не путать дни, чтоб вчерашний день не набегал на сегодняшний, ученые всего мира условились, что день наступает на особой линии, которую раз навсегда начертили на глобусе. Эта линия идет от Северного полюса, проходит через Берингов пролив, между берегов СССР и Америки, потом мимо Японии и тянется до Южного полюса.

Когда на этой линии наступает полночь, то считают, что отсюда пошел на запад новый, только что начавшийся сегодняшний день. Эта линия и есть

граница сегодняшнего числа. Но на восток от этой линии в это время тянется еще вчерашний день. Например, на запад, через Сибирь к Москве, пошло уже 13 июля, а на востоке, в Америке, еще продолжается 12 июля. Вот поэтому, когда Громов перелетел на своем самолете через эту условленную линию у полюса, он попал во вчерашний день.

МОЖНО ЛИ ДВА РАЗА В ГОДУ ПРАЗДНОВАТЬ ПЕРВОЕ МАЯ?

Можно! Нужно только, отпраздновав этот день в СССР, успеть перелететь через границу сегодняшнего числа, и встретишь прошедший праздник в Америке еще раз. У нас будет уже второе мая, а в Америке ты еще успеешь попасть на первомайское шествие.

КАК ПОЛУЧИТЬ СЕГОДНЯ ТЕЛЕГРАММУ, ПОСЛАННУЮ ЗАВТРА?

24 июля из Москвы послали телеграмму товарищу Громову в Америку. Телеграмма дошла очень быстро. В Америке было еще 23-е число. И товарищ Громов получил 23 июля московскую телеграмму, на которой было написано, что она послана 24 июля.

КУДА ДЕЛСЯ ОДИН ДЕНЬ?

А вот какой случай произошел с путешественниками несколько сот лет назад. Мореплаватели отправились в кругосветное странствие. Они поплыли из Европы в Америку, обогнули ее и совершили путешествие вокруг земли. Когда они после долгого плавания вернулись домой, у них на корабле была суббота. А у всех было уже воскресенье. Путешественники отстали от всех на один день. Может быть, мореплаватели обсчитались или забыли сорвать вечером листок в календаре?

Нет! Путешественники забыли, что они уплыли на запад, а вернулись с востока. Они обошли кругом землю, но забыли переставить вперед часы. У них на корабле был еще вчерашний день, а на берегу был уже новый день. Попы проклинали путешественников и грозили им всяческими наказаниями. Получилось ведь, что путешественники и молились не тогда, когда полагалось, в постные дни они ели скоромное. А когда на корабле праздновали воскресенье, на самом деле был уже понедельник.

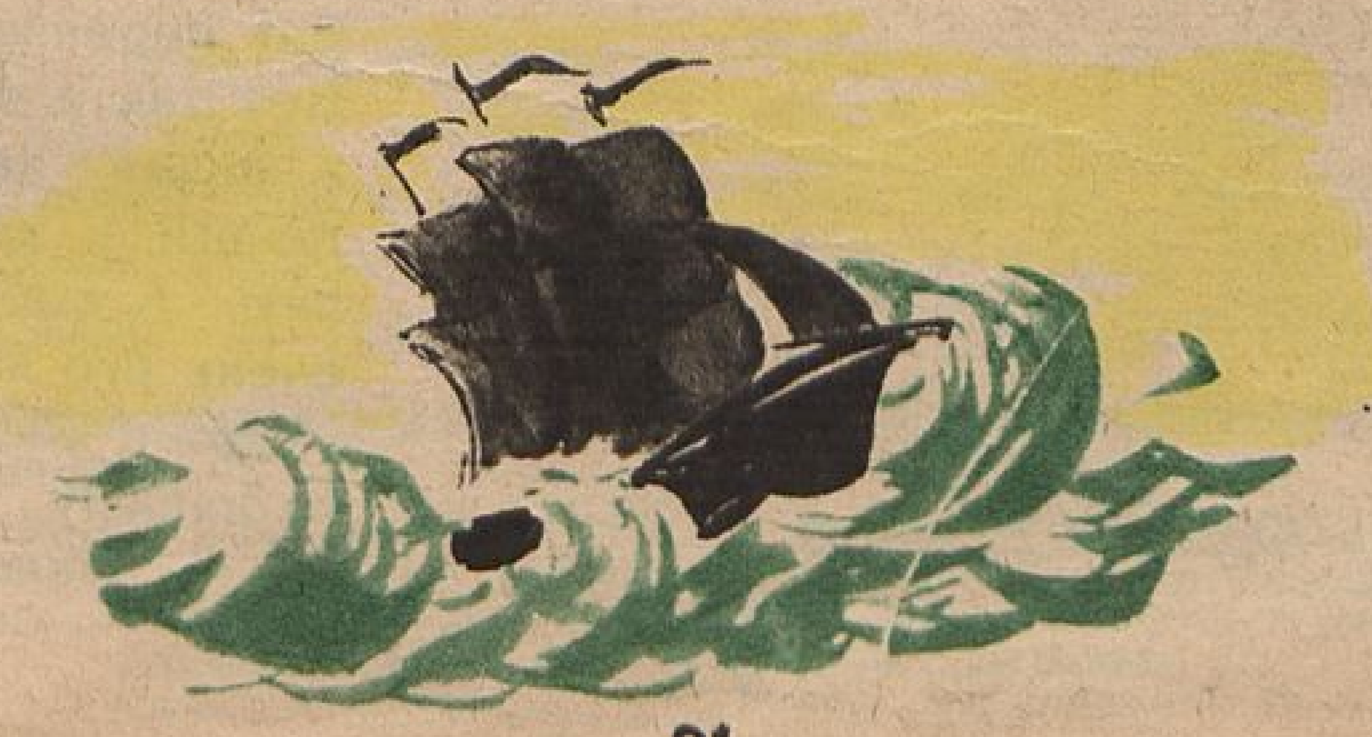
КАК ПОЛАДИТЬ С КАЛЕНДАРЕМ?

В наше время моряки, чтобы не отставать от календаря и не обгонять его, поступают так:

Когда корабль пересекает границу дня с востока на запад, моряки сразу переходят на послезавтрашний день по своему календарю и этим сразу нагоняют сутки.

А если корабль плывет на восток, то моряки, пройдя границу, не срывают в эту ночь листок с календаря и проводят один день со вчерашним числом.

Астроном
И. Астапович

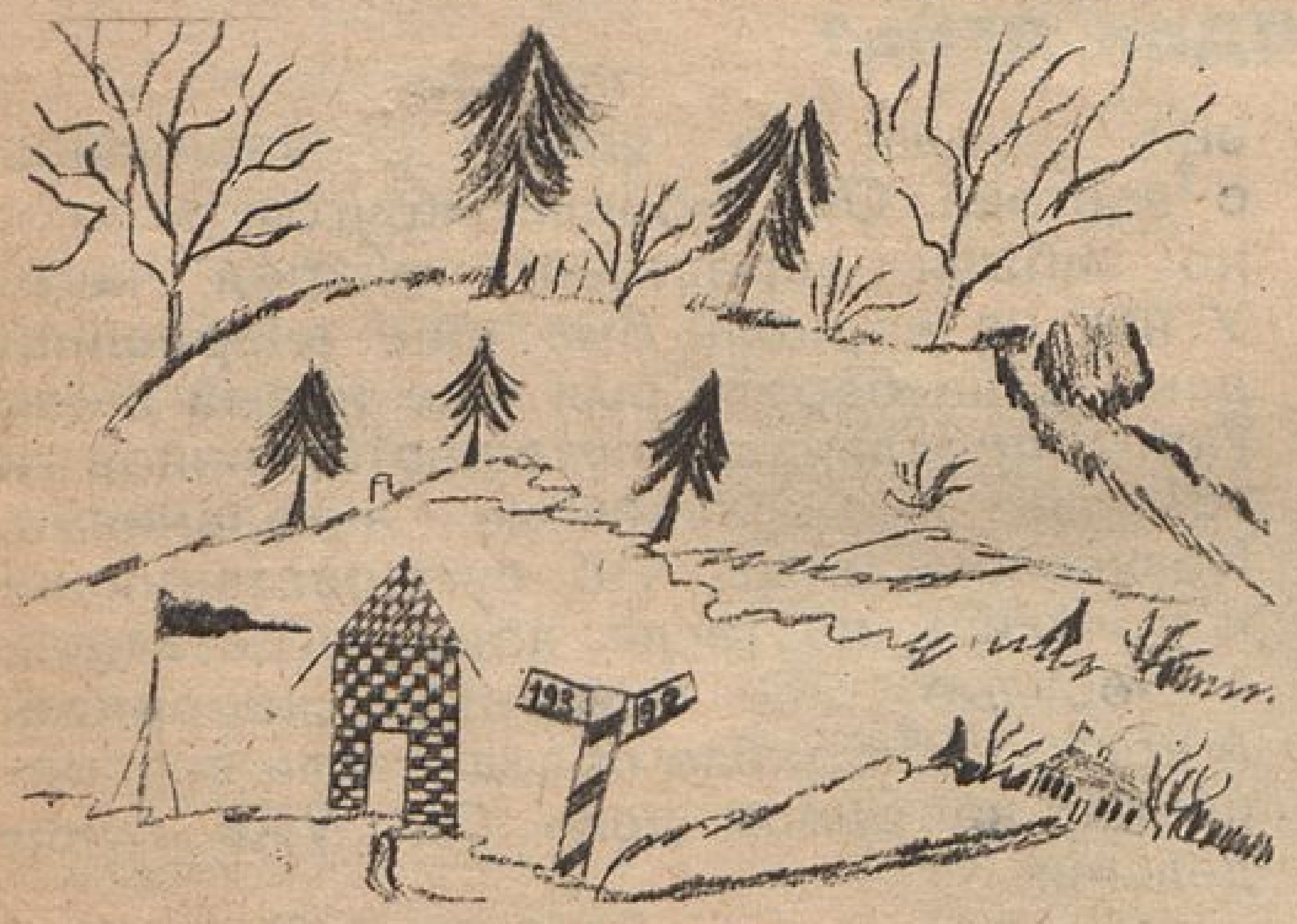
Мурзилкина газета

ПИСЬМО НА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Дорогим своим героям
Мы на льдину шлем привет
И со льдины-холодины
Получить хотим ответ,
Чтоб в „Мурзилке“ напечатать,
Что вы там видали.
Как вы жили, что там было,
Всё бы рассказали.
Нам, ребятам, интересно
Всё про вас узнать
И про Северный про полюс
Много прочитать.

Ювилла Полякова. Орехово-Зуево.

НА ГРАНИЦЕ.

Рисунок Мирчева Владика, уч. 3-го класса.

ПАРАД ИГРУШЕК

Нина и Миша для маленьких ребят
Устроили игрушечный парад.
Первыми солдатики
Рядами идут,
Важно барабанщики
В барабаны бьют,
Мишка скачет впереди,
Кукла едет позади.
А за ними черный мяч
Припустился вскачь.
Все спешат
На парад,
На игрушечный.

Мазур Юра. Ст. Вешняки.

ЛАССО

Мне рассказывали про одного мальчика, который торговал в Мадриде газетами. Один раз этот мальчик проходил по улице, и его кто-то позвал, но он не пошел. Тогда с балкона выбросили какую-то штуку и поймали мальчика. Такой штукой ловят лошадей, она называется лассо.

Мальчика поймали, затащили в комнату и отняли все газеты, а потом еще избили. Оказалось, что мальчик попал к фашистам.

Этот рассказ нам прислала испанская девочка — Мария Бургетто. Ей 9 лет. Она живет в Крыму—в пионерском лагере Артек.

УМНЫЙ ПОПУГАЙ

Я очень интересуюсь дрессировкой животных и учусь у одной дрессировщицы. И вот я хочу рассказать случай из моей жизни. Один раз дрессировщица оставила на столе три рубля, а сама вышла. Когда она вернулась вместе со мной в комнату, то мы застали такую картину: попугай сел на стол, взял в клюв три рубля, подал их дрессировщице и говорит:

— Купите сахару.

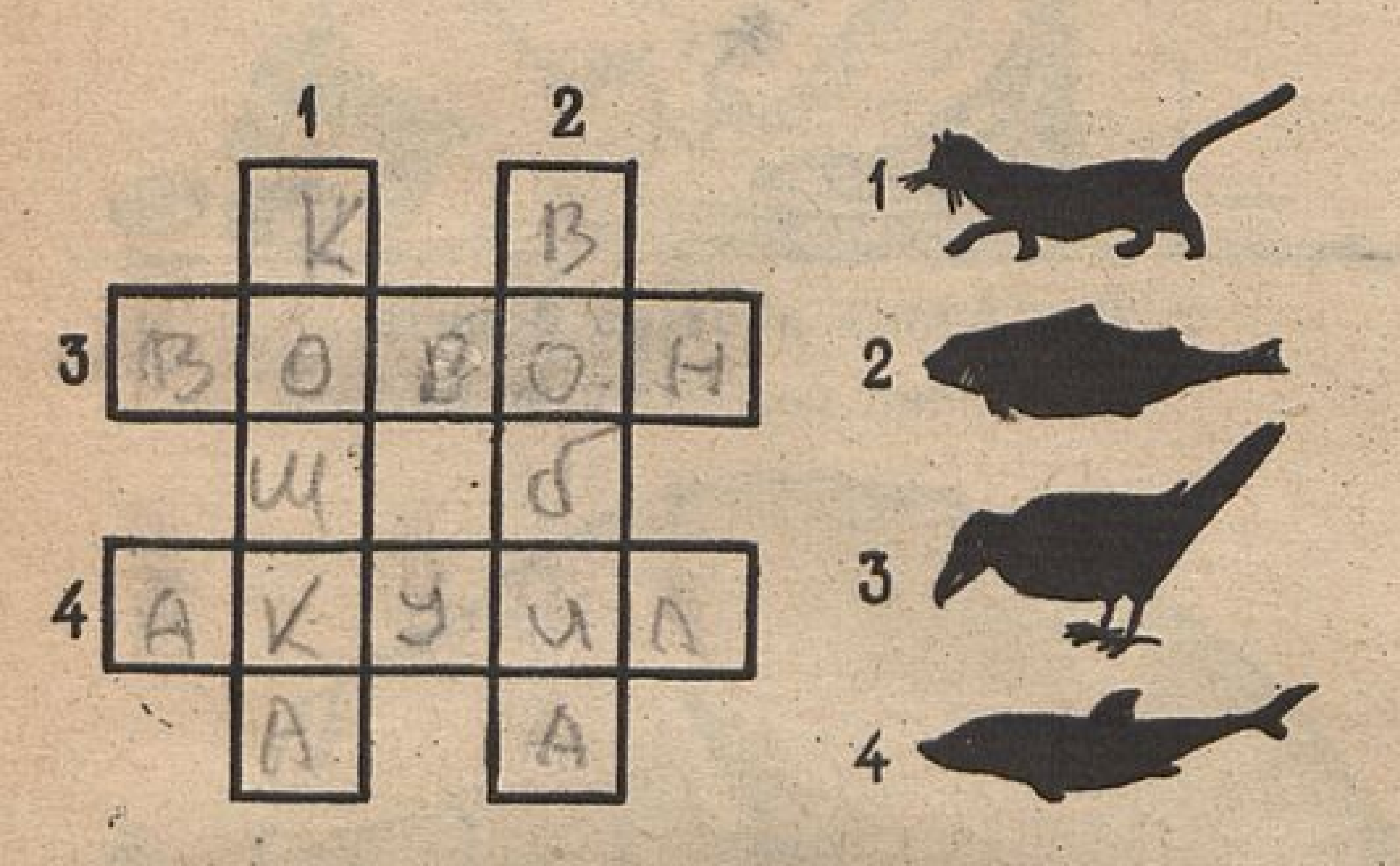
Ребята, вы знаете, что попугаи любят перенимать то, что говорят люди. Вот так и этот попугай. Он слышал и видел, как хозяйка дает дочери деньги и просит ее что-нибудь купить. А выбрал он сахар потому, что очень его любит.

Вот и весь случай. Если будет еще, то напишу.

Нина Гельман, 11 лет. Москва.

ЗАГАДКИ САМОДЕЛКИ ГОЛОВОЛОМКИ

МУРЗИЛКИН КРОССВОРД

Какие буквы надо поставить в эти клетки, чтобы при чтении сверху вниз (1 и 2) и слева направо (3 и 4) получалось то, что нарисовано на картинках?

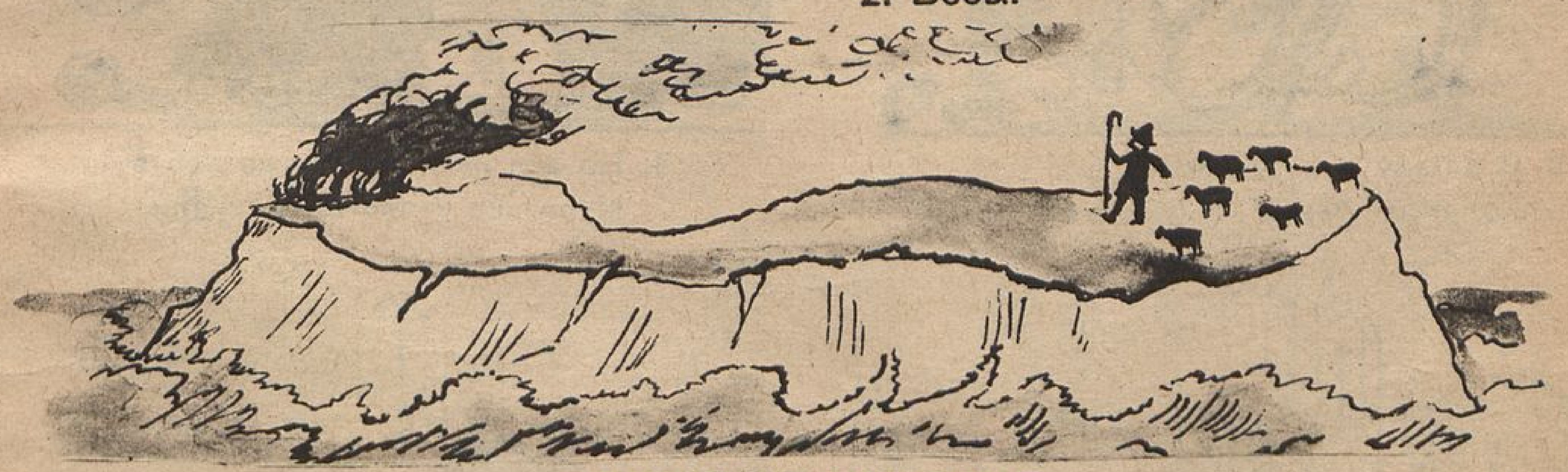
ЗАПАСАЙТЕСЬ НА ЗИМУ!

Сколько можно сделать забавных вещей из материалов, которые всегда у нас под руками!

Наберите, ребята, побольше еловых и сосновых шишек, осенних пестрых листьев, желудей, „крылышек" от клена. Пригодятся и семена различных растений, и крылья бабочек, и сосновая кора, и мох. Что можно делать из всех этих вещей, мы расскажем вам в следующий раз. А пока вы запасайтесь поскорее на зиму, а то ударят холода — поздно будет.

ОТГАДКИ НА ЗАГАДКИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 8

1. Иголка с ниткой.
2. Весы.

ПОЖАР НА ОСТРОВЕ

Пастух привез стадо овец на маленький остров. Волны бушевали вокруг островка. Лодка с подпаском ушла. Вдруг на одном краю острова вспыхнул пожар — загорелась трава. Ветер гнал пламя и облака дыма. Огонь наступал прямо на стадо. Бежать было некуда. Но пастух не растерялся. Он уберег стадо и сам избежал гибели.

Как он это сделал?

Ответственный редактор Лев Кассиль. Оформление А. Носова
Сдано в набор 2/VIII 1937 г. Подписано к печати 29/VIII 1937 г. Объем 3,5 печ. л. Ст.-форм. 62 × 94 1/8 листа
Уполномоч. Главлита Б-25694. Заказ № 1445. Детиздат № 1490. Тираж 225 000
Типография „Гудок", Москва, ул. Станкевича, 7.

Цена 50 коп.

МУРЗИЛКА—ЧИСТИЛЬЩИК САПОГ

Рисунки Л. Смехова

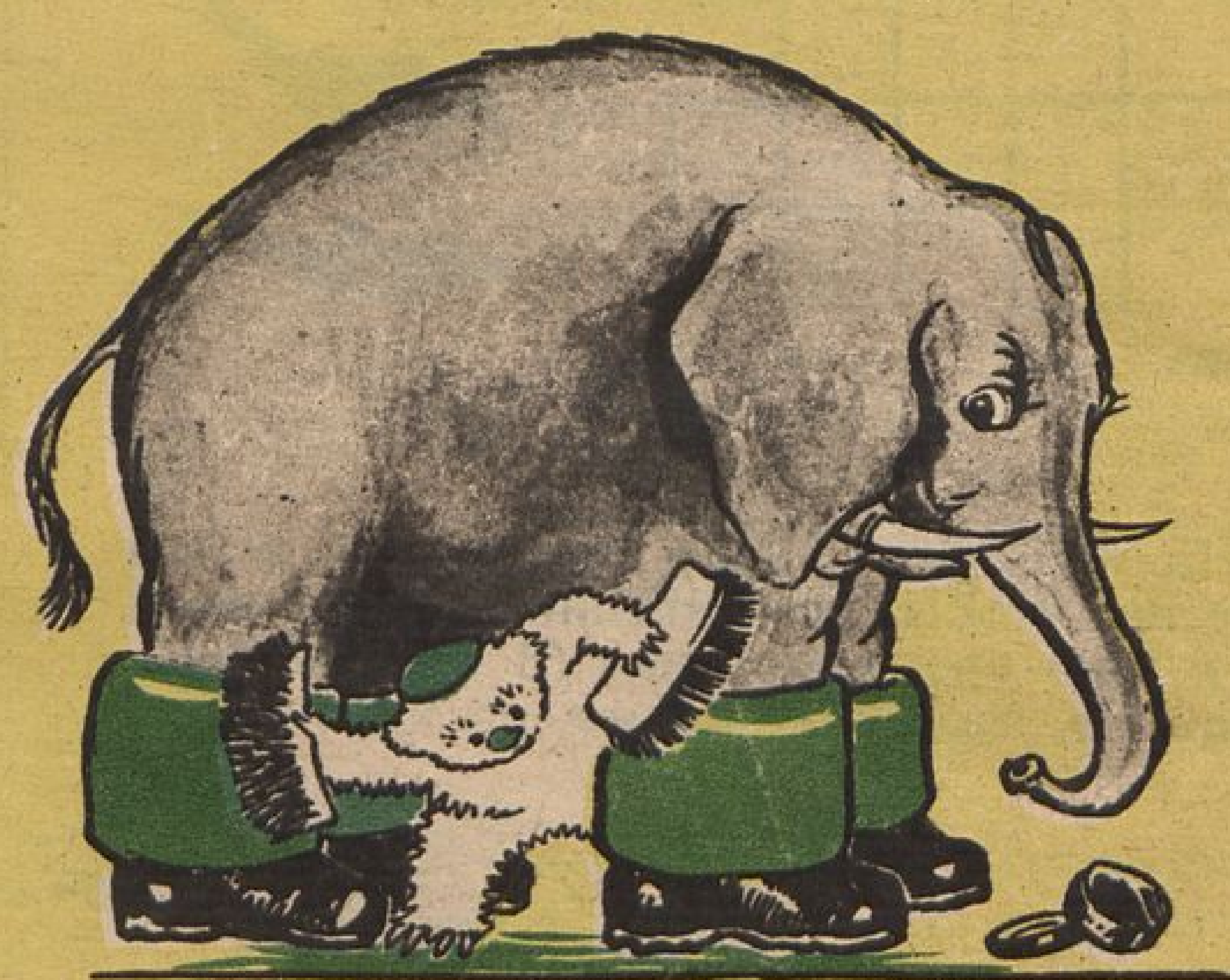
1. Мурзилке надоело врать,—
Решил он чистильщиком стать.

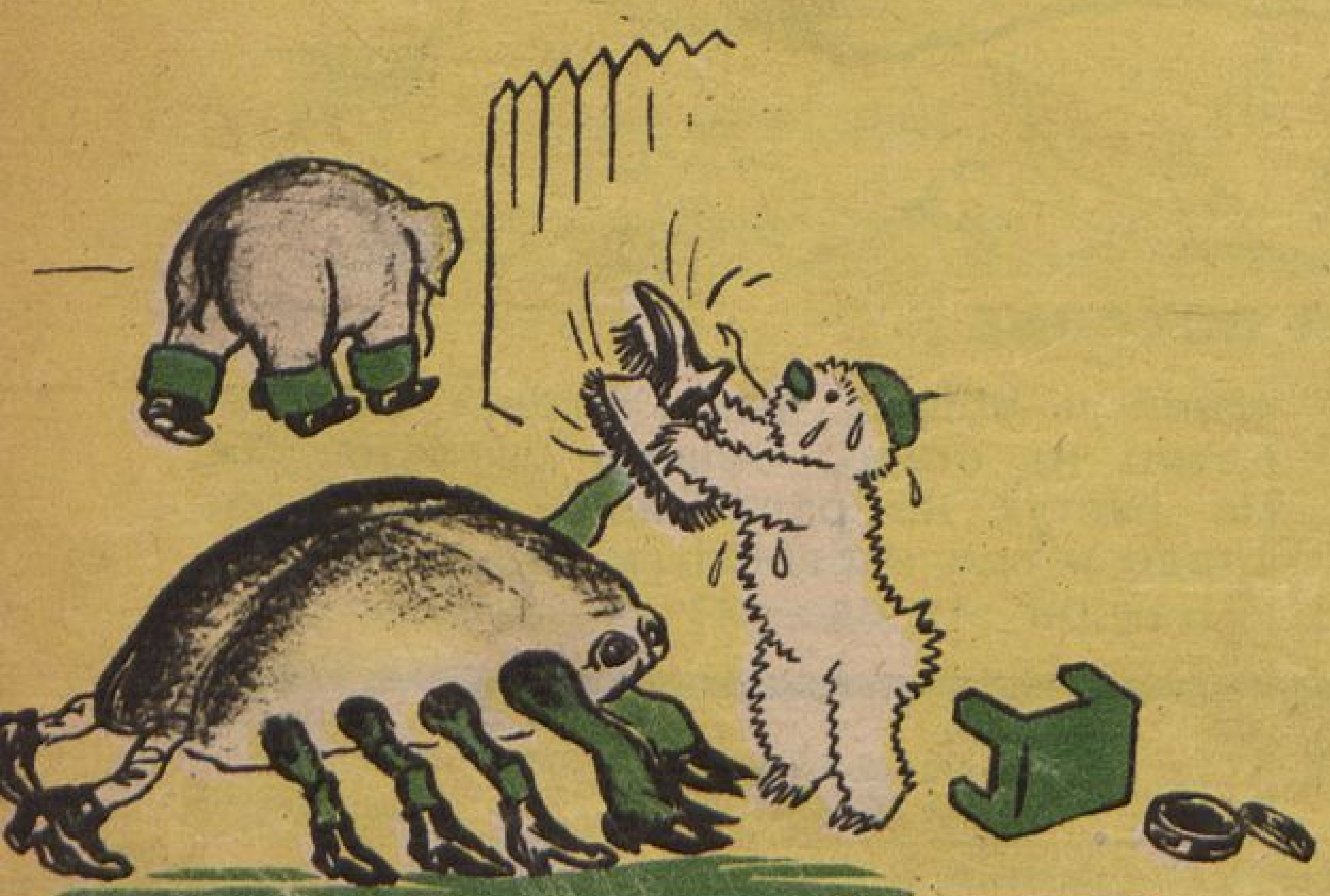
2. Вот белый аист из болота.
Мурзилка рад—легка работа.

3. И петуху о двух ногах
Навел он блеск на сапогах.

4. Но вот явился слон из парка—
Мурзилке стало сразу жарко.

5. Когда же краб к нему пришел,
Мурзилка потом изошел.

ЛС.

6. А увидавши сорок ног,
Герой пустился наутек.